

Майя В. Рахимова

Путешествие за Края Мира, или

невероятные приключения
медвежонка Ганса и его друзей

Майя Рахимова

**Путешествие за Края Мира,
или Невероятные приключения
медвежонка Ганса и его друзей**

«Aegitas»

2020

Рахимова М. В.

Путешествие за Края Мира, или Невероятные приключения
медвежонка Ганса и его друзей / М. В. Рахимова — «Aegitas»,
2020

ISBN 978-0-36-940426-8

Эта история началась задолго до появления книги. Трудно сказать, когда именно, возможно, что и со времен самого первого Зова Горна. Потом, как это часто бывает, многое подзабылось, и история превратилась в легенду. Ее передавали через поколения, часто с большим придыханием, но всё с меньшей верой. Так и сейчас, плюшевый лес жил размеренной повседневной жизнью и даже не подозревал, что время снова пришло. Время большого приключения, полного опасностей и перемен. Время удивительных встреч и трудных решений. Пришло время очередного путешествия за Края Мира. Для кого же на этот раз?

ISBN 978-0-36-940426-8

© Рахимова М. В., 2020

© Aegitas, 2020

Содержание

Добрый вечер, или позвольте представиться!	5
Тиглу исчез. Что же делать?	7
Мы отправляемся в поход	12
Первая встреча. Следы Тиглу	14
Беседа у костра	19
Дикий лес на подставках	22
Навстречу Бурной Реке	33
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Майя В.Рахимова

Путешествие за Края Мира, или невероятные приключения медвежонка Ганса и его друзей

Добрый вечер, или позвольте представиться!

*Возьми меня тихо за руку,
Проведи потаенными тропами,
Чтобы чутко и загодя,
Мог услышать Зов Горна¹ я.*

Из эпоса «Алатык, или сказание о плюшевом страннике»

– Знаете, это ведь я сейчас веду размеренный образ жизни: сижу на диване, смотрю политику, сплю под одеяльцем, ем орешки с медом и запиваю чаем с молоком. А совсем недавно моя жизнь была несколько иной. Да какой там! Совершенно иной. Я и голодал, и редко спал, и под открытым небом, а не под одеялом.

Ну, погодите, погодите, обо всем по порядку.

Для начала добрый вечер и позвольте представиться! Зовут меня Ганс Потапович Топтыгин.

Внимание! Это значит, что я из рода Топтыгиных, Потапов сын. И попрошу не путать и не называть меня Топтыжкой, Топтыгой, Потапкой, Потапычем и уж тем более Топтыжиной. Я – уважаемый медведь!

Плюшевым я был всегда. У нас в лесу вообще все плюшевые: и моя любимая подруга, белочка Зоя, и странный волк Утюжок, и лисичка Тонечка, и даже зайчик Толик. Единственной не плюшевой у нас была Сова-Совушка, но это исключительно потому, что она из дальних мест. Мы звали эти места Краями Мира.

Тряпочки, из которых было собрано ее древнее тело, напоминали листья, были жутко многослойные и всякий раз таинственно шелестели, когда Совушка шевелилась, поэтому мы испытывали к ней особое уважение и даже восхищение. Не в каждом лесу живет такое удивительное создание!

Наш плюшевый лес был очень дружный. Какой он сейчас, я, право, не знаю, но думаю, что такой же. Мы пели песни и ходили друг к другу в гости.

Петь песни – наше любимейшее занятие. У нас были утренние, дневные, ночные песни, а также песни полудня, полдника, почти сумеречные песни и колыбельные. Порой мы путались во времени суток, но никогда не путались в песнях.

Совушка тоже пыталась нам подпевать, но листья, из которых было собрано ее тело, так шуршали при этом, что мы переставали слышать друг друга. Совушка тактично умолкала и просто слушала наш плюшевый хор.

Однажды она все-таки не выдержала и сказала:

– Когда я была моложе и шустрее, я летала за Края Мира. Так вот, там есть удивительные места, где тоже поют песни, и надо признать, совсем непохожие на ваши.

¹ Зов Горна – призыв волшебной Силы к плюшевым мирам в поисках Героев – Хранителей для не сказочных миров.

Слоненок Тиглу жадно перебил Совушку:

– А где? Где, ты говоришь, эти края?

– За миром, – ничуть не смущаясь, продолжала она, – за вашим плюшевым лесом, потом еще за одним лесом, таким древним и страшным, что жуть, потом за высокими белыми горами, быстрой холодной рекой, ну а дальше я... не помню. А зачем ты спрашиваешь, Тиглу?

Слоненок раскраснелся:

– Очень интересно, с одной стороны! А с другой, совсем и не интересно даже.

Слоненок раскраснелся совершенно по делу, потому что был крайне любопытен, просто до чрезвычайности. И хотя в любопытстве нет ничего страшного, но всякий раз, когда Тиглу чем-либо интересовался, для всех в плюшевом лесу это заканчивалось плохо, если не сказать – ужасно.

Поэтому жители леса всякий раз тревожно переглядывались и невольно напрягались, когда слоненок спрашивал и уж тем более переспрашивал у кого-либо что-либо.

Тиглу знал о своей способности встревать, куда не следует, и о том, что жители леса тоже в курсе его способности встревать, куда не следует. Поэтому он краснел всякий раз заранее, когда шел на встречу с друзьями.

Но сейчас он сидел весь пунцовый, быстро-быстро мигал и почти жалел, что спросил Совушку про далекие края.

– Ну, ладно, ладно. Пора нам расходиться по домам и берлогам, – громко заявила Совушка, – песни колыбельные мы пропели.

Все переглянулись.

– Важные дела обсудили, – настаивала она, – пора и отдохнуть.

– Да, точно, – отозвался странный волк Утюжок, – я лично спать хочу. Не знаю, как вы, а я пойду. Завтра утренняя песня, моя любимая. Негоже петь ее в сонном состоянии.

Странный волк Утюжок был очень тактичным и деликатным волком. Он сразу понял, что слоненок ужасно стесняется своего любопытства и красноты, но ни с тем, ни с другим совладать совершенно не может. Еще чуть-чуть, и слоненок просто лопнул бы от переживаний. Утюжок понял стремление совы сгладить ситуацию и поддержал ее.

Жители плюшевого леса стали быстро расходиться. Ночные посиделки, конечно, любили все, но утренние песни любили больше.

Нет ничего прекрасней, чем петь песни на утренней заре, когда солнышко, просыпаясь, потягивается каждым лучиком, и от этого свет по лесу мягко-мягко стелется золотистым ковриком начала дня.

– Пойдем, пора спать, – обратилась к слоненку кокетка – ежик Дуся.

– Сейчас, сейчас. Вы идите. Мне надо слегка успокоиться, я вас догоню, – ответил Тиглу.

И мы оставили его успокаиваться на «певчем лужку». А он взял и исчез.

И, собственно, с исчезновения слоненка Тиглу и началось наше, полное невероятных приключений, путешествие. Теперь пришло время и вам послушать эту историю. Итак.

Тиглу исчез. Что же делать?

*Плюшевый народ имеет право избирать уважаемых лиц,
делегировать полномочия, выражать протест,
а также объявлять войну и заключать мир.
Ош-Пыхтун Мудрый, «О плюшевых народных собраниях»*

Мы потеряли Тиглу уже на следующее утро, а произошло это так. Собравшись на заре на «певчем лужку», жители леса затянули утреннюю песню: она лилась мерно и спокойно, многие даже продолжали подремывать, пока пели.

Мы часто подремываем под утреннюю песню – это уже обычай. Глаза полузакрыты или полуоткрыты – кому как больше нравится. Сидим рядышком, и от этого всем тепло, что и одеял не надо, мерно покачиваемся в одну, другую сторону. Поем. Ну, что может быть прекрасней, я вас спрашиваю?

Уу-уу-Утречко, мы тебя так ждем,
Просыпайся, Солнышко,
Мы тебе поем,
Аа-аа-а-аа-аа-аааааа!
Начи-начи-нается новый чудный день,
Загляни к нам, Солнышко,
И останься зде-е-есь,
Аа-аа-а-аа-аа-аааааа!
Уу-уу-Утречко, приходи скорее-е-ей,
Захвати и Солнышко,
Будет веселей,
Аа-аа-а-аа-аа-аааааа! Уу-уу-ей!

Вот так и в это утро – сидели рядышком, глаза полузакрыты, мерно покачивались, пели, и вдруг, в том самом месте, где должен был затянуть свою великолепную носовую ноту наш Тиглу, в том самом дивном месте зияла тишина – ни ноты, ни великолепия.

Все встрепенулись, покачиваться перестали, глаза открылись даже у самых крепких сонь. Наш слоненок, певец прекрасных носовых нот, пропал! А вместе с ним пропала и утренняя песня. День начинался неважно.

Солнышко, привыкшее к утренним песням, где-то даже разбалованное ими, разобиделось и закрылось от нас тучками. Это, конечно, были не грозовые, а пасмурные тучки, но хорошего все равно мало.

Звери заволновались, стали шумно галдеть: где же Тиглу, почему его нет, уж не заболел ли он от вчерашних переживаний и так далее, тому подобное. Пришлось Сове-Совушке взлететь над лугом и воззвать к всеобщему спокойствию.

– Тише, дорогие мои, тише, – кричала она, – прошу вас, успокойтесь! Мы сейчас все уладим, все разрешим, всех найдем. Только тише, умоляю вас, тише!

У Совушки все никак не получалось успокоить растревоженных жителей плюшевого леса, как вдруг по лугу разнесся абсолютно немелодичный, но такой внушительный вой:

– Ууу-гтю! Тии-хоо!

Все сразу замолчали. Странный волк Утюжок, а это был он, вытянув мордочку и выпучив странно свои странные глаза, дико и пронзительно выл.

Всем стало, конечно, страшно, но страшно и интересно одновременно. Жители леса редко видели Утюжка таким, и совершенно не понимали природы его немелодичного, но такого внушительного пения.

И пока они взирали на Утюжка с благоговейным ужасом, он спокойным и деликатным голосом проговорил:

– Тихо, дорогие вы наши! Сейчас Совушка будет речь держать!

Совушка, надо сказать, сама пребывала в диком ужасе от воплей Утюжка, но сопротивляться не стала и вышла на середину луга, чтобы держать речь:

– Жители плюшевого леса, – робко начала она, – для начала давайте все успокоимся, а потом начнем поиски слоненка Тиглу, а?

– Давайте, давайте, – зашелестели звери.

Некоторые из них с огромной радостью помчались бы искать слоненка прямо сейчас, лишь бы убежать отсюда подальше.

– Я предлагаю поискать слоненка у него в доме, – предложил бобер Кедр.

– А я поищу его на вчерашнем месте, – подхватил инициативу зайчик Толик.

– Очень хорошо, очень хорошо, – закивала Сова, – давайте разбредемся и поищем Тиглу во всех местах, что знаем. Я буду ждать вас здесь с новостями.

– Я тоже! – сказал странный волк Утюжок.

Сову-Совушку несколько передернуло на этих дружелюбных словах Утюжка, но она мужественно не подала виду.

– Да, да, конечно, – ответила она, – мы будем ждать вас здесь.

Воодушевленные жители помчались со всех ног во все стороны от луга искать Тиглу.

Искали слоненка в его домике, а также – на вчерашнем месте; под корягами, за оврагами, в озерке и в реке, даже в дупло белочки Зои заглянули, чем серьезно раздосадовали эту умненькую белочку.

Ну, а вдруг! Вдруг он умудрился забраться к белочке?! Всякое бывает. Если его нигде нет, а на луг возвращаться надо, то почему бы не проверить везде – так звери объясняли грозно сдвинувшей брови белочке Зое свои благие намерения заглянуть к ней.

Надо сказать, что белочка Зоя редко пела песни со всеми. Она держалась особняком, жила высоко, в красивом уютном дупле, хранила в доме много старинных книг и вообще была очень обворожительна.

Жители плюшевого леса делали вид, что им не интересно, почему она не поет со всеми, но при всякой случайности стремились взобраться к Зое наверх и подключить ее к жизни леса, а заодно заглянуть в уютное дупло.

Белочка Зоя прекрасно понимала их намерения и всячески препятствовала проникновению в жилище – она хранила неприкосновенность частной собственности изо всех сил! И репутация особенной белочки очень нравилась ей!

Но сегодня все бастионы защиты рушились: жители плюшевого леса брали домик белочки штурмом! Не качеством, а количеством угрожая свалить дерево, на котором жила Зоя, они заставили ее открыть дверцу и показать всем, не прячет ли она у себя в дупле слоненка?!

Убедившись, что слоненок здесь просто не поместился бы, они продолжали разглядывать домик, бесперемонно обсуждая его и позабыв, зачем, собственно, собрались:

– А шторки сюда подошли бы другие! – важно отметила обезьянка Лили.

– Да-да, и сервиз совсем не к месту, – подхватила кокетка – ежик Дуся.

– А книг-то, книг! Сколько мусора и пыли, – заключила зайчиха Пе.

– Ну все, хватит! – сказала белочка Зоя. – Уходите! Здесь нет слоненка. Нет и быть не может!

– Ну, ладно, ладно! Не сердитесь! – желая утихомирить всех, сказал зайчик Толик. – Мы видим, видим. Только и мы с ног сбились в поисках Тиглу. Не могла бы ты нам помочь и посоветовать что-нибудь? – закончил зайчик свою примирительную речь.

– Да, – подхватил бобер Кедр, – приходи на луг советоваться, – мы будем думать, где еще искать слоненка и стоит ли его искать вообще!

– Хорошо, хорошо, я приду, – сказала Зоя, – только сейчас, прошу вас, слезьте с дерева и покиньте меня! Мне нужно прибраться тут и сосредоточиться! Я приду на луг, обещаю!

Жители плюшевого леса мало что поняли из ее слов, особенно про «сосредоточиться», но обрадованные обещанием, полезли вниз. Обрадовалась обещанию, конечно, больше мужская половина леса; женская, спускаясь, продолжала ворчать и обсуждать нелепые шторы, никчемный сервиз и ненужные пыльные книги в домике Зои.

Луг гудел новостями и тревогами. И с каждой новой тревожной новостью жители плюшевого леса убеждались, что слоненка нигде нет.

Это было неслыханно! На нынешней памяти жителей леса еще никто не исчезал из этих краев. Как быть и что делать в такой ситуации, – никто не знал.

– Подождите, подождите! Давайте перестанем галдеть и будем разговаривать по очереди, – верещала направо и налево Сова-Совушка.

– Давайте! Давайте перестанем галдеть! – соглашаясь, продолжали галдеть жители плюшевого леса.

И снова на весь лес загремел страшный рев Утюжка:

– Тиинии-хоооооо!

Воцарилась хрустальная тишина.

– Я только хотел сказать, – продолжал Утюжок, – что для решения данного сложнейшего вопроса нам потребуется консилиум специалистов.

Звери продолжали сидеть в глубоком оцепенении: одновременно от жуткого воя и жуткого выражения про «консилиум специалистов».

– Конс...чего – ...лиум? – тихо шелестели они.

– Конс – Гри – Биум! – ужаснулась ежик Дуся.

– Конс – Триллер – Ррум! – рявкнула зайчиха Пе.

– Консилиум, – зазвучало откуда-то сверху.

Все подняли головы.

– Да – да. Кон-си-ли-ум, – сияла пустыми очками в золотистой оправе Белочка Зоя, – это когда собираются вместе несколько плюшевых зверей, достаточно уважаемых и почитаемых всеми остальными жителями леса, собираются и договариваются между собой, что же делать в том или ином случае, – поправила она очки.

– Ох ты, ох ты, – перепугалась ежик Дуся, – как же быть, где ж их собрать?

– Ай да белочка, ай да умница, – пропел странный волк Утюжок.

– А собрать их не так уж и сложно, – продолжала Зоя, – просто надо понять, кто у нас в лесу самый наистарейший, наистрашнейший, наиумнейший, наитишайший, самый непредсказуемый и, наконец, самый грамотный. Вот они и составят консилиум специалистов.

Звери тут же стали громко распределять, кто же у них самый «Наи – То» и «Наи-Сё». Быстрее всего определились с наистрашнейшим специалистом, в качестве которого хором назвали странного волка Утюжка. Утюжок оспаривать статус не стал, так как и сам догадывался о своих невероятных способностях.

Наиумнейшей – жители леса определили белочку Зою, и сами себе при этом заплодировали, – мол, какие мы чуткие и не завистливые звери оказались.

Сова-Совушка наотрез отказывалась признать себя наистарейшей и даже собиралась расплакаться во все перья, но тут белочка Зоя громко заявила, что наистарейшая – это значит, самая мудрая и много повидавшая на своем веку жительница леса. И если Сова по каким-то

невнятным причинам отказывается быть самой мудрой, то этот статус заберет себе белочка, ведь ей он так подходит.

В этот же самый момент Сова-Совушка стряхнула обиды и сказала, что никому и ни за что не отдаст право быть всех мудрее и старше, и что она согласна. И звери снова бурно заплодировали, уже не понятно кому, – себе, белочке, Совушке или всем вместе.

Найтишайшей была признана лисичка Тонечка. Самым непредсказуемым, конечно же, был слоненок Тиглу, но, так как его рядом не было, звери решили временно закрепить этот статус за зайчиком Толиком.

Кто же самый грамотный? Кто же умеет красиво писать буквы и складывать из них слова?

– Что тут гадать? – проговорила белочка Зоя. – Надо идти к медвежонку Гансу.

– Точно, точно. Как же мы раньше не подумали? Как же не вспомнили? Да где же он?

И звери гурьбой побежали к медвежонку Гансу.

Ничего не подозревающий медвежонок уже успел вернуться к себе после утренней неудавшейся песни и начал рисовать любимые пейзажики.

Это когда на цветущем лугу стоит много-много ульев и вокруг них летает всего несколько доброжелательных пчел, настойчиво приглашающих полакомиться медком всех желающих.

Медвежонок Ганс (а это, как вы понимаете, я – тот самый медвежонок) не стал искать со всеми слоненка Тиглу. Он очень любил уединение и тишину, слушая которую можно писать картины или рассказы: «Что его искать? Он самостоятельный зверь. Может, он тоже хочет уединения», – думал Ганс, раскрашивая доброжелательную пчелу на заднем фоне.

– Ганс! Ганс! – донеслось до медвежонка как будто издалека.

Медвежонок обернулся. Перед ним стояли взъерошенные звери и наперебой передавали последние новости, из которых он узнал, что медвежонок Ганс, – самый грамотный в плюшевом лесу, потому что умеет писать буквы и складывать их в слова. И поэтому он должен немедленно отставить доброжелательных пчел и отправиться на консилиум специалистов. А если он этого не сделает, то тогда они не знают, что с ним сделают!!

Медвежонок практически ничего не понял из того, что ему сказали, но решил не сопротивляться. Мало ли что.

Он молча кивнул, положил рисовальные кисти в специальную баночку для кисточек, вытер лапки тряпочкой, перетащил пейзажики в укромное место и отправился на консилиум специалистов, то есть туда, куда двинулись все остальные жители плюшевого леса.

– Здесь нам надо разделиться, – сказала Зоя. – Мы, – она обвела взглядом всех наизвестнейших зверей, – пойдем совещаться за тот овраг, а вы останетесь нас ждать, понятно?

– Ладно, ладно, понятно, понятно, – нехотя отвечали жители леса, – только вы сильно не задерживайтесь, мы скоро захотим есть.

– И спать! – пискнула ежик Дуся.

– Мы постараемся не утомлять вас ожиданием, – дипломатично отозвался волк Утюжок. Жители остались ждать на «певчем лужку», а консилиум пошел думать о судьбе Тиглу.

– Итак, дорогие мои! – начала белочка. – Что же у нас получается? Тиглу мы всем лесом искали?

– Искали, – отозвался консилиум специалистов.

– Нигде его не нашли?

– Не нашли.

– А это значит...

– Что это значит? – не выдержал зайчик Толик.

– Это значит, – грозно посмотрела на него Зоя, – что Тиглу в плюшевом лесу нет.

– Гениально, – прогудела Сова-Совушка, чрезвычайно довольная своим уникальным статусом самой наистарейшей. Она почти не слушала консилиум, в мечтах воображая, какое именно письмо она напишет своим дальним родственникам, живущим где-то за Краями Мира.

Да, да! Совушка тоже умела писать, но предпочла умолчать об этом, так как тогда бы пришлось отдать статус самой мудрой, а этого ей категорически не хотелось. Быть старейшей как-то престижней и безопаснее, – не надо ничего писать, носить с собой тетрадки и карандаши (карандаши она особенно не любила).

В том, что у нее есть родственники, Сова практически не сомневалась, хотя и не помнила толком, где они и сколько их. Но эти нюансы сейчас ей были совершенно безразличны.

– Какие будут соображения!? – кто-то тряс Совушку за плечо.

– А?! Соображения? – встрепелась она. – Какие же тут могут быть соображения?! Просто кошмар! Тиглу, наверное, уже сгинул во мгле! – завершила свои соображения Сова.

– Нет. Так дело не пойдет, – отозвался вдруг медвежонок Ганс.

Он, конечно, предпочитал уединение и тишину, но если уж брался за дело, то делал его качественно, а то мало ли что.

– Так дело не пойдет, – повторил он, – Тиглу надо искать, пусть даже за пределами нашего милого и уютного леса. Друга в беде бросать совершенно не годится, – сказал он тихо, но уверенно, – поэтому нам с вами нужно собрать отряд отважных зверей, можно взять и из конси-ли-ума, – выговорил он сложное слово, – и отправиться в поход за слоненком!

– В поход? – перепугалась Сова.

– В поход?! – завыл от радости странный волк Утюжок.

– Да-да. Поход – это очень умно, – восхитилась медвежонком белочка Зоя.

Медвежонок смущенно посмотрел на всех и добавил:

– Я могу возглавить наш спасательный отряд. Я все-таки медведь, хотя и плюшевый.

– Назовем его «отряд храбрецов», – предложил зайчик Толик и тут же икнул от смелости.

– Лучше назвать отряд «Плюшевая Подмога», сокращенно «Пэ – Пэ», – робко предложил Утюжок.

– Подмога так подмога, – согласился медвежонок Ганс, – так-то неважно как назвать, главное, чтобы дело было, – заключил он.

– Кто-нибудь из вас планирует отозвать свою кандидатуру из отряда? – спросил консилиум специалистов странный волк Утюжок.

Сова-Совушка и рада была бы остаться в своем теплом доме, ну, хотя бы для того, чтобы написать письмо родственникам, но, во-первых, она несколько побаивалась Утюжка, а во-вторых, ей было совестно.

Ведь это она рассказывала направо и налево о Краях Мира, а Тиглу жадно слушал и переспрашивал ее о далеких и удивительных местах. И это ведь только Совушка бывала за пределами плюшевого леса. И хотя ей ужасно не хотелось покидать этот гостеприимный край, она скромно промолчала и осталась в отряде.

Консилиум специалистов вышел на луг и сообщил всем о решении отправиться на поиски слоненка за пределы плюшевого леса. Консилиум предложил остальным жителям присоединиться к походу, но, так как звери заявили, что доверяют специалистам, было принято решение – идти тем составом, что уже есть.

Звери разошлись по домам, чтобы приготовить походные рюкзаки, попрощаться с близкими и друзьями. Так закончился очень тревожный день в плюшевом лесу и наша первая история о Плюшевой Подмоге.

Мы отправляемся в поход

*Мне пора, не тоскуй обо мне,
Может, свидеться и не придется,
Но малинки кусты поливай,
Их хозяин однажды вернется.*

Плюшевая народная песня

На следующее утро весь плюшевый лес собрался, чтобы проводить отряд смельчаков в большое путешествие.

Надо сказать, что само утро началось необычно рано, так как Солнышко буквально выпрыгнуло на «певчий лужок», толком не успев ни одеться, ни причесаться. Что поделать, оно тоже боялось пропустить начало путешествия!

Солнечные лучики растрепаны, глаза заspanные, золотистые бока дышат сладким пред-рассветным теплом, – да, таким неподготовленным жители плюшевого леса Солнышко не видели давно. Но так как сами от него особо не отличались, то и предъявлять претензий не стали.

Каждый спешил напоследок взглянуть на смельчаков, пожелать удачи, а потом со спокойной совестью вернуться в теплые постельки и подремать еще чуток.

Жители плюшевого леса затянули привычную утреннюю песню и стали ждать появления героев.

Сова-Совушка плохо спала в эту ночь: тяжелые предчувствия терзали ее, память то и дело возвращала обрывки ужасных воспоминаний прошлой жизни, до плюшевого леса, и эта память настолько пугала ее, что Сова несколько раз порывалась отказаться от похода.

Потом, правда, совесть возвращала ее на место, то есть в кровать, и Совушка засыпала тревожным прерывистым сном.

Странный волк Утюжок тоже не спал. Он разрабатывал и конструировал свой внешний вид, так как надеялся завести друзей за пределами плюшевого леса и желал произвести на них неизгладимое впечатление. Дух авантюризма проснулся в его романтической душе. Утюжок ощущал себя одновременно и немного бандитом, и чуть-чуть пиратом, и капельку бродягой, но добрым, отзывчивым и благородным. Как же выглядеть, чтобы воплотить все эти образы?

Утюжок всё перебирал домашние и выходные костюмы, и всякий раз оставался чем-нибудь, да не доволен. В общем, он очень тщательно готовился.

Во всей этой суматохе волчонок, конечно же, позабыл про цель похода. Ну, это бывает! Не будем судить его.

Зайчик Толик спал самым счастливым и безмятежным сном, чего нельзя было сказать о его многочисленной родне, в сильнейшей тревоге проводившей эту ночь. Зайцам прежде не приходилось отпускать родственников дальше Елового Скопища, а это было самое темное место в плюшевом лесу.

Теперь же их сокровище, их надежда и опора (именно опора!) отправлялась неизвестно куда, за пределы мира, и остановить его не представлялось возможным. Зайцы и скандалили, и грозили Толику никогда с ним не разговаривать, если он все-таки пойдет в поход, но все было напрасно.

Не успел Толик вернуться после консилиума в норку, как сразу же стал собираться. А так как рюкзака у зайчика никогда не было, рюкзаком стал старый мешок из-под картошки, к которому Толик приладил лямки и замочек.

В рюкзак он положил сменную одежду, зубную щетку, пасту, расческу, лупу, спички, острый кухонный нож и еще кое-что. Рюкзак оказался тяжелым, поэтому было принято решение от сменной одежды отказаться, но это не помешало зайчику заснуть самым счастливым и безмятежным сном перед путешествием.

Про лисичку Тонечку сложно было что-либо сказать, настолько она была тишайшей. Известно только, что никто не пытался ее отговорить, никто не устраивал громких сцен, чемодан она не собирала, взяла только маленькую сумочку через плечо и зонтик.

Белочка Зоя нашла время и для сборов, и для разговоров с родными, и для раздумий перед сном. Больше всего она переживала за дом, который останется без присмотра, но родные уверили белочку, что никого постороннего не пустят, будут проводить уборку, цветы полиют, комнаты проветрят. Это несколько успокоило Зою, и она задремала.

Что касается медвежонка Ганса, то он заботливо прошелся по владениям, поблагодарил пчел за внимательное отношение к картинам и многочасовое позирование, обильно полил грядки с клубникой, собрал поспевшую малинку с кустов, побеседовал за свежесваренным чаем с родственниками, собрал походную сумку и пошел спать.

С собой в дорогу он взял плащ – дождевичок и складной ножик, который, если нужно, превращался в вилку, ложку, шило и даже крохотный топорик. Вещь, одним словом!

Ровно в пять часов тридцать минут вся Плюшева Подмога собралась на «певчем лужку» и присоединилась к утренней песне.

Потом жители леса проводили отряд до Елового Скопища, еще раз всех крепко обняли и не спеша пошли обратно, тихо напевая утреннюю мелодию, которая теперь казалась как-то по-особенному примечательной.

И чем дальше уходили провожающие, чем тише доносились их мелодичные перепевы, тем значительнее казалась песня, тем тревожнее становилось на душе, тем растерянное чувствовали себя герои «Пэ – Пэ».

Зайчик Толик расплакался.

– Ну, ну, не надо плакать, – успокоил зайчика Ганс. – Да, сейчас мы покидаем родной край, но у нас важная задача – найти слоненка Тиглу. Подумай лучше о нем. Ведь ему сейчас гораздо хуже, чем нам. Он где-то бродит один, потерянный и грустный, возможно, даже голодный. Разве ты не хочешь ему помочь?

– Конечно, хочу, – мяукнул зайчик Толик, – просто я немножко нервный. Все, я готов.

– Вот и хорошо. Идем, – сказал медвежонок, и они пошли.

Без приключений миновав Еловое Скопище, отряд Плюшевой Подмоги вышел из леса. Так заканчивается наша вторая история.

Первая встреча. Следы Тиглу

*Неожиданно перед ним выросла стена,
но Талле не убоился, сделал шаг, и стена распалась.*

Легенда о лосе Талле

Перед плюшевыми героями раскинулся бескрайний, невероятной красоты луг. Желтые, синие, лиловые и розовые краски луговых цветов играли наперегонки с нежной зеленью разнотравья, легкий ветерок участливо бегал туда-сюда, выражая искреннюю заинтересованность в игре и заявляя о себе как о полноправном ее участнике.

Волна за волной шумел радостный луг и совершенно не собирался уставать или останавливаться.

Плюшевая Подмога заворуженно смотрела на происходящее. Во-первых, потому, что впервые в жизни видела что-то помимо родного леса, а во-вторых, потому, что увиденное было полно новой, неизвестной доселе, жизнью.

Благоговейную тишину прервал серьезный голос белочки Зои:

– Все, хватит стоять и смотреть! Давайте пойдем!

Но шагнуть никто не решался. Всем казалось, что если они сделают шаг, то обязательно нарушат хрупкую естественную красоту луга, навредят ей.

Сколько бы они так стояли, невозможно и представить, ведь первый шаг – самый трудный, если бы не лисичка Тонечка. Изящно подобрав пышный хвост, она просто взяла и пошла.

Луг на мгновение встрепенулся и застыл, но потом все вокруг снова весело зашелестело, наперегонки соревнуясь с ветром. Мягкая пушистая трава нисколько не рассердилась, а наоборот, принялась обнимать их.

Поглядывая то вправо, то влево в поисках следов Тиглу, и одновременно наслаждаясь совершенством природы, отряд Плюшевой Подмоги бодро вышагивал по «бескрайнему лугу», как они его меж собой прозвали. То тут, то там мелькали и исчезали прогалинки, но следов не было, только луг, луг, луг.

Неожиданно раздался властный голос. И голос потребовал остановиться:

– Стой! Кто идет? – спросил голос.

– Мы идем. Здравствуйте, – спокойно и с достоинством ответил медвежонок Ганс.

Он заметил, что друзья испугались и инстинктивно потянулись к нему, боязливо озираясь по сторонам.

Сова-Совушка залепетала что – то несурзное типа «вот-вот, началось, я так и знала» и далее в том же духе.

Странный волк Утюжок в ярко-малиновом костюме с бабочкой выглядел по-настоящему странно, так как замер в охотничьей стойке и неистово вращал зрачками в поисках источника голоса.

Зайчик Толик, лисичка Тонечка и белочка Зоя просто затихли рядом (безупречнее всех по затиханию рядом оказалась, конечно же, Тонечка).

– Кто такие «Мы»? – спрашивал сердитый голос, не пожелавший поздороваться в ответ. – И зачем Вы здесь?

– Мы – это отряд «Плюшевая Подмога», сокращенно «Пэ – Пэ». Отряд наш состоит из жителей плюшевого леса, он тут неподалеку, – показал в сторону леса Ганс и стал представлять непонятно кому друзей.

– Это наистарейшая Сова-Совушка.

– Это настрашнейший волк Утюжок.

Волчонок поклонился.

– Это наиумнейшая белочка Зоя, наитишайшая лисичка Тонечка, непредсказуемый зайчик Толик и медведь.

Он ткнул в себя лапкой.

– Самый грамотный, – поправили его друзья.

Медвежонок Ганс чуть покраснел. Все замолчали. Никто им не ответил.

– А идем мы искать друга, слоненка по имени Тиглу, – продолжал медвежонок, – он, кстати, здесь не пробегал?

Тишина.

– И не могли бы Вы все-таки представиться. Это было бы прилично, – отметил медвежонок Ганс.

– Стойте, где стоите! – продолжал угрожать голос. – Я должен подумать.

– Подумать – это всегда хорошо, – отозвалась белочка Зоя, – я тоже очень люблю думать, можем думать вместе.

– Не надо, – отрезал голос, – не надо думать со мной параллельно, это вмешательство в частные владения моей индивидуальности! Попрошу соблюдать дистанцию!

– Параллельно?! Индивидуальность?! – искренне обрадовалась Сова.

Ей откуда-то (может быть, из прошлой жизни) были знакомы эти слова. Правда, она не была уверена, что понимает их значения, но это было и не важно.

– Да, действительно, давайте, соблюдаем дистанцию, – прошептала она.

Сова повторяла и повторяла про себя слова «параллельно» и «индивидуальность» и все пыталась вспомнить, откуда же их знает.

– И все-таки, – не унимался медвежонок Ганс, – хотелось бы толику уважения.

Как только он сказал «толику», зайчик Толик вздрогнул и уронил свой рюкзак. Оттуда с грохотом выпали предметы, которые он вчера старательно запихивал для путешествия. Среди прочего, выкатилась и тяжелая старинная лупа, передававшаяся в семье зайцев по наследству.

К слову сказать, поскольку никто в семействе зайцев не знал, зачем им лупа, они не стали сильно сопротивляться, когда Толик положил в рюкзак и ее. Есть предположение, что семья даже обрадовалась, так как теперь этот тяжелый и непонятный предмет больше не терзал их воображение своей невостребованностью.

Лупа выпала, медвежонок подобрал ее. Зайчик Толик нервно запихивал выпавшие предметы обратно и бубнил – «простите, простите, как я неловок», но никто его не слушал, все смотрели на Ганса.

А медвежонок Ганс выставил лупу перед собой и что-то подробно в ней разглядывал. Остальные герои подошли поближе и тоже всмотрелись.

Из-под лупы на них свирепо уставились круглые черные глаза; большие длинные усы недвусмысленно грозили незнакомцам возможными военными действиями и напоминали о нарушенном частном пространстве, но это никого не пугало, наоборот, завораживало настолько, что все, не отрываясь, как на священный танец, смотрели на эти вращения усами и глазами.

– Вы...?! – начал было медвежонок.

– Я – страж лугов и страж полей, священный воин Муравей! – перебил его голос из-под лупы.

– А можете еще раз представиться? – не сдержался Ганс, и все одобрительно закивали.

Им понравились забавные движения, которыми сопровождал свое представление грозный «страж лугов и полей».

– Пожалуйста! – со всей серьезностью «ответила» лупа.

– Я – страж лугов и страж полей, священный воин Муравей! Что непонятного? – подпрыгнув, закончил страж.

– Все понятно, – улыбались герои.

Их заинтересовал предмет, который муравей держал перед собой. Предмет напоминал крохотный, но очень крепкий колокольчик на палочке, в этот колокольчик и говорил страж полей.

– Простите, пожалуйста, но что это у Вас за интересный предмет? – спросил медвежонок.

– Это волшебное – говорител, – нехотя отозвался Муравей, – я же страж, мне нужно, чтобы меня слышали. Голос должен лететь! Понимаете?! – без особой надежды на понимание спросил священный Муравей.

– Отчего ж не понять? – отозвался Утюжок. – И где выдают такие штуки?

– Это не штуки! – рассердился Муравей. – Это боевые регалии, предметы особой важности и необходимости! И их кому попало, не выдают!

Тут он смерил Плюшевую Подмогу искренне гневным взглядом снизу вверх, значительно поворачивая глазами, потом усами и замолк.

– Просим прощения за неучтивость, – вмешалась мудрая Сова, – но не могли бы Вы, если Вас не затруднит, конечно, подсказать, знаете ли Вы что-либо о судьбе нашего дорогого друга, слоненка Тиглу? Видели ли Вы его, говорили ли Вы с ним? Премного благодарна Вам заранее! – завершила она.

Сова пыталась найти самые учтивые слова, которые только были у нее в запасе, и поразилась произведенному впечатлению. Никто ее не прерывал, все стояли с открытыми ртами, в том числе и муравей.

– Ну, для начала, никакого Тиглу я не встречал, – ответил взвешенно Муравей, – но землетрясение было.

– Простите?!

– Я говорю, – начиная раздражаться, повторил муравей, – зем – ле – тря – се – ние! Это когда земля трясется, приходит, так сказать, в состояние нестабильности и турбулентности, – и он закатил глаза, а потом завращал усами.

– Не – е – е! Что такое землетрясения мы знаем, но причем здесь слоненок?!

– Ваш слоненок здесь совершенно не причем, – спокойно ответил священный страж.

Он, видимо, считал ниже своего достоинства вдаваться в объяснения с такими неповоротливыми в плане мышления созданиями, как герои плюшевой подмоги.

– Значит, землетрясение? – тихо повторил Ганс.

– Да, – невозмутимо ответил Муравей.

– А могли бы Вы подробнее рассказать о нем?

– Пожалуйста, – ответил страж.

– Как вы все знаете, – обратился он ко всем присутствующим, – я был поставлен здесь, чтобы охранять спокойствие и благоденствие всех известных волшебному миру лугов и полей, в данном случае, этих, – Муравей указал лапкой на землю перед собой.

– У меня есть сабля, и вам лучше с ней не встречаться, – он медленно обвел глазами путешественников.

– Кто меня поставил, спросите вы?

Звери ничего спрашивать не собирались, но признаваться в этом не стали.

– Так вот! – продолжал Муравей. – Меня сюда поставил, – он сделал паузу, – Волшебник!

«И как только он не устает держать волшебное – говорител столько времени перед собой, – думал медвежонок Ганс, – мы беседуем давно, а колокольчик будто прилип к его рту и все тут».

– Повторяю, – громче обычного продолжал Муравей, – Волшебник обратился ко мне с поручением, о котором я могу вам рассказать лишь частично. И теперь я несу сторожевую вахту практически постоянно, прерываясь исключительно на завтрак, обед, полдник и ужин, но в эти моменты здесь обычно ничего не происходит, так что и беспокоиться не о чем.

«И как это Волшебник умудрился заметить этого крошку в лугах?» – продолжал удивляться медвежонок.

– А можно ближе к землетрясению? – произнесла вдруг лисичка Тонечка совершенно мирным голосом, от которого все дружно вздрогнули, так как голос Тонечки звучал подозрительно впечатляюще.

Странный волк Утюжок смотрел на лисичку с нескрываемым восхищением!

– Что? – съезжился в голосе страж полей. – Я как раз подбираюсь к землетрясению.

– Подбирайтесь, пожалуйста, быстрее, – заметила белочка Зоя, – мы ведь друга ищем.

– Как раз тогда, когда вы меня прервали, я собирался сказать, что землетрясение вчера наступило неожиданно: все вокруг потемнело, земля затряслась! – серьезно заметил тот.

– И что?

– И все, – отрезал Муравей.

– Вы сказали «неожиданно»? – мягко спросил медвежонок.

– Верно.

– Почему неожиданно?

– Потому что никто этого не ожидал, ничто не предвещало изменений. Солнышко домой не собиралось, ветер ни на кого не сердился, земля ни с кем не ссорилась. Войны не предвиделось, все было тихо и спокойно. Я ел.

– Так-так, – отметил Ганс.

– Что значит «так-так»? – обиделся Муравей. – У меня был обед, ровно в четырнадцать ноль-ноль, как всегда.

– А долго длилось землетрясение? – перебил его медвежонок.

– Длилось не так чтобы очень, но обед был сорван, – отчеканил Муравей.

– А потом...? – спросил медвежонок.

– Потом, – перебил его Муравей, – земля вся взъерошилась, будто по ней скакал кто-то неуравновешенный. Скакал и прыгал, то там, то сям. Теперь вот везде пробоины да рытвины. Образовалось несколько озер!!! – вызывающе закончил он.

– Озер?! Это интересно, – заметила белочка Зоя, – можно посмотреть?

– Идите прямо, вам туда, – сменив гнев на милость, заключил Муравей.

– Ничего необычного, кроме землетрясения, Вы не заметили, храбрый страж лугов и полей? – спросил медвежонок.

– Заметил, – отозвался тот, – в землетрясении участвовала птица с гигантскими крыльями и клювом. Она закрыла собой Солнышко, несла, наверное, в когтях что-то очень большое, ну, или сама была Наигигантнейшей.

Муравей вытаращил черные глаза в лупу:

– Так у вас вроде принято говорить друг о друге.

– Оооо! – вырвалось у Совушки, словно она лично была знакома с этой птицей.

– А что она делала? – уточнил медвежонок Ганс.

– Летела! – вытаращил глаза Муравей. – Летела и издавала звуки. Землетрясение затихло, она исчезла. Что бы это значило? – неожиданно переспросил он у присутствующих.

– О, не беспокойтесь, – отозвался взволнованный медвежонок, – полям и лугам ничего не угрожает, а вот нам, кажется, пора. Благодарим за гостеприимство и беседу!

– Если я понадобится, вы знаете, где меня искать, – ответил гордо Муравей, – позовите только правильно и я приду.

– А как правильно? – спросил зайчик Толик.

– Приди, приди, скорей, скорей, священный стражник Муравей! – подсказал страж полей.

– Обязательно обратимся, – заверила его белочка Зоя, – огромное спасибо за помощь!

И Плюшева Подмога поспешила к «озерам», образовавшимся после странного землетрясения. Провожал ли их страж лугов и полей, неизвестно, так как медвежонок убрал лупу в сумку, и муравей выпал из вида. Но! Будем надеяться, что священный страж все-таки их провожал!

То, что Муравей называл озерами, походило больше на следы, оставленные кем – то, кто в большой спешке убегал от погони.

Ну, конечно! Медвежонок Ганс склонился к краям одного из «озер». Ну, конечно! Это же следы Тиглу. Но что здесь произошло?

Звери шли по следам, пока не увидели лес. Они решили дойти до него и сделать небольшой привал: перекусить и обсудить произошедшие события, а также продумать план дальнейших действий. Что ж? И очень хорошо!

На этом заканчивается наша третья история о приключениях плюшевой команды.

Беседа у костра

*Что тебе во встрече со мной?
Радость моя во встрече с тобой.*

Аль Суф Тиграли, «О мудрости встречи»

– Все ясно, – сказал медвежонок Ганс, – все ясно. Тиглу бежал от большой птицы в лес, но мы туда сегодня не пойдем. Подождем до утра.

Плюшевая Подмога удобно расположилась у самой кромки леса. Зайчик достал из рюкзака палатку, из веточек смастерили костерок, и всё из того же рюкзака зайчик достал котелок и чашечки.

Вечерело. Плюшевые звери разложили кое-что из домашних запасов к ужину, уселись вокруг костра, и, напевая вечернюю песню, стали делиться впечатлениями о прошедшем дне.

Клонится к закату и уходит в тень,
Прожитый сегодня всеми нами день,
Провожать не будем, не пришла пора,
Лучше завтра встретим, с утречком, с утра.
Мммм-м-м-мммм-м.

– Да, – вдруг согласилась с догадками медвежонка лисичка Тонечка, – следов волочения не видно, значит, скорее всего, Тиглу скрылся от преследователя в лесу.

Засыпают ветви, засыпает лес,
Затишают птицы, шум почти исчез,
По земле шагают мир, покой и сон,
В каждый дом заглянут, в каждый – каждый дом.
Мммм-м-м-мммм-м.

Лисичка выдержала маленькую паузу и продолжила.

– То, что преследователь был один, понятно по скорости и траектории движения слоненка. Ибо, если бы преследователей было несколько, траектория хода была бы зигзагообразной и прерывистой.

Кроме того, трава по ходу бега примята с одинаковой степенью нажима лапки, а это значит, что слоненок не метался из стороны в сторону, уклоняясь от нескольких нападавших, а бежал более-менее равномерно, к лесу.

Песенка поется, но и ей пора,
Пусть поспит немного, только до утра,
Пробудятся ветви, птицы и цветы,
Завтра все проснутся, и проснешься ты.
Мммм-м-м-мммм-м.

– Н-да, – отозвался странный волк Утюжок.

Он успел переодеться, и теперь сидел в пижамке в сине-желтую полоску, которая должна была демонстрировать всю неординарность его натуры, должна была, но, похоже, не очень демонстрировала.

– Н-да, – повторил он и замолчал, по-прежнему восхищаясь, словно заново увиденной им лисичкой Тонечкой.

– Совершенно с тобой согласна, – задумчиво сказала белочка Зоя, – наш слоненок все-таки покинул плюшевый лес и пошел искать края за Миром.

Сова-Совушка неприязненно поежилась, хотя воздух вокруг был приятным и теплым.

– Пошел искать других песен и приключений, – добавил смело зайчик, который сам от себя не ожидал такой смелости, да и всего, что с ним произошло за эти дни. Он ушел из дома, зашел за пределы Скопища, снарядил самостоятельно рюкзак и теперь беседует с теми, кого в их семье всегда было принято называть полупшепотом, опасливо озираясь по сторонам (мало ли что).

За все время существования плюшевых зайцев в плюшевом лесу почти ни с одним из них даже близко не происходило ничего подобного, что произошло с Толиком за эти дни. От волнения и осознания важности произошедшего Толик икнул.

– Да, пошел искать песен, а нашел «бескрайний луг», – подхватил размышление Толика волк Утюжок, – а потом птица нашла нашего слоненка и захотела его съесть, – неутешительно закончил он.

– А может, и не съесть, – неожиданно вставила Совушка, – может, слоненок попросил птицу перенести его поближе к новым краям, но по дороге птица его роняла, роняла по неопытности. Потом он убежал.

– Вряд ли у нее были добрые намерения, – заметил медвежонок, – но это уже не важно, так как следы Тиглу ведут к лесу, и это значит..., – замер на секунду он.

– Что? – хором спросили друзья.

– Это значит, что Тиглу жив, и мы идем по верному следу. А теперь, с вашего позволения, я поработаю.

Медвежонок достал из сумки карандаши и бумагу, удобно расположился у костерка, разложил бумагу на лапках, что-то подумал, пробубнил про себя и стал писать. Медленно и старательно выводил он буквы, зажав карандашик между лапками.

Так, включая в работу обе лапки, Ганс, собственно говоря, всегда и писал. Ему двупалый подход нравился больше всего: буквы получались крупные, в меру понятные, иногда даже помещались все запланированные. А если не помещались, то для них была предусмотрена обратная сторона бумаги или холста.

С рисованием та же картина: кисточка, зажатая между лапками, двигалась, на его взгляд, увереннее, линии получались в меру ровными, а краска ложилась на бумагу смирнее.

Заинтересовавшись, «Плюшевцы» (а почему бы и нет?) подобрались ближе к Гансу и стали заглядывать ему через плечо.

На плотной бумаге наверху посередине большими буквами было что-то написано, у нижнего левого края нарисован и подписан неровный кружочек, внутри которого разместились палочки, похожие на деревья, одна толстая волнистая линия и несколько маленьких точек. Потом, от кружочка шла прерывистая линия, как будто чьи-то шаги, и снова, чуть выше по левому краю, расположился неровный круг с корявой подписью.

– Это карта! – догадалась белочка Зоя.

– Совершенно верно, – прикусив губу от удовольствия, отозвался медвежонок.

Он гордился, что белочка догадалась!

– Карта! – восторженно прошептали Плюшевцы и снова уставились на таинственный кусок бумаги.

Как выглядят буквы Плюшевцы, конечно, знали, но вот дружить с ними получалось не всегда. Буквы были непослушными, не хотели складываться в слова и при каждом удобном случае спешили, либо убежать, прихватив с собою смыслы, либо складывались в недоброжелательные послания, которые совершенно не хотелось читать.

Славно складывать буквы в слова умел только один медвежонок. Самый грамотный, что Вы хотите!

– Здесь написано, – начала белочка, – пу – пуш – кры – мры.

Она смутилась.

– Пу-те-шест-вие – за – Кра-я – Ми-ра, – продолжил за нее Ганс, – наш заголовок!

- Этот кружочек, – указывая на левый угол, заметил Утюжок, – видимо, плюшевый лес?
- Да! – улыбнулся Ганс.
- А это пятно, видимо, поле? – спросил зайчик Толик.
- Бескрайний луг, – поправил медвежонок.
- Ну, на сегодня хватит. Еще по кружечке чая и спать? – спросил он.
- Да! – радостно отозвались Плюшевцы.

В плюшевом лесу, кроме песен, все любили пить чай. Чай с молоком и без молока; черный, зеленый, красный; с баранками и вареньем, пирогами, пирожками, пирожными и суфле. Одним словом, чай – это традиция и знак отличия. Ты – не из плюшевого леса, если не признаешь пяти – шести чашечек чая до вечерней песни и двух чашечек после.

Но, так как здесь были все свои, они еще посидели, полюбовались звездным небом и пошли спать. Так заканчивается наша четвертая история.

Дикий лес на подставках

*...Бредут хромые дни неверными шагами,
И, вся оснежена погибших лет клоками,
Тоска, унынья плод, тираня скорбный дух,
Размеры страшные бессмертья примет вдруг.*

Шарль Бодлер, LXXV. «Сплин»

*О, полон скорпионами мой мозг!
Уильям Шекспир, «Макбет»*

«Надо идти», – решили звери и двинулись к лесу.

Лес, любой плюшевый лес, в принципе, не представлял для героев никакой особой опасности. Но как быть, когда перед тобой раскинулся совершеннейший «незнакомец»?

В обычных обстоятельствах никто вглубь неизвестности не пошел бы, все мы, так сказать, звери благоразумные, но то обычные обстоятельства. Здесь же, на кону стояла жизнь друга, а это, согласитесь, многое меняет. В этих обстоятельствах даже самый страшный лес должен быть пройден. И он будет пройден!

Плюшевые звери сделали несколько шагов и стали осторожно озираться, приспосабливаясь к новой местности. Вроде ничего такого, все в порядке.

Они решили идти гуськом: сначала медвежонок (на случай крайней опасности), потом белочка и Совушка, лисичка и зайчик, и, наконец, волчонок (как самый страшный из всех).

Между собой особо не разговаривали, во-первых, чтобы не отвлекаться и как следует осмотреться, а во-вторых, чтобы не сболтнуть лишнего. Все сосредоточенно шли.

Поначалу лес показался вполне себе обыкновенным и даже знакомым, ну, подумаешь, елок, пихт да сосен больше, чем лиственных деревьев, ну и что! Но потом Плюшевцам стало казаться, что лес настороженно наблюдает за ними и даже двигается вслед!

Чуть позже опасения подтвердились и переросли в открытую тревогу: лес и вправду шел по пятам и непрестанно шептал что-то.

– Спокойно, спокойно, вдохнули – выдохнули, – обернулся и медленно выговорил медвежонок.

Он старался говорить тихо, чтобы соблюсти конспирацию, но конспирации не вышло, потому что зайчик, судорожно сглотнув, неожиданно громко переспросил:

– Что сделали?!

И тут же по лесу разнеслось громкое «Ааах!», и снова все стихло.

«Таак, – подумал медвежонок, – здесь творится что – то неладное, и ведь не обсудить ни с кем, – все слышно».

Ганс поманил друзей, они сделали небольшой кружок и стали шептаться.

– Что будем делать? – спросила белочка.

– Мне страшно, – пискнул зайчик.

– Я так и знала, – проямлила Совушка.

– Может, рывкнуть? – предложил волчонок.

– Не надо шума, – прошептала лисичка.

Тут они подняли головы и увидели макушки деревьев прямо у своего носа: деревья склонили верхушки и слушали шептальные пересуды плюшевых друзей.

– Аааааааааа! – закричали звери и бросились бежать, – аааааааааа!

Плюшевые герои бежали кто куда, позабыв про сосредоточенность и солидарность.

Они совсем потерялись бы, так как убегали все дальше друг от друга, если бы не деревья, которые похватали Плюшевцев гигантскими ветками, словно лапами, и быстрым шагом понесли в неизвестном направлении.

Как, спросите вы? А они были на подставках, если вы вообще знаете, что это такое.

Видели ли вы когда-нибудь рождественские елки, которые выставляют на улицах на продажу разные дельцы? Какие – то из деревьев валяются просто так, на снегу, какие-то стоят на треножниках, подставках то есть. Ну, вот так и здесь. Сверху дерево, снизу – подставка, как у новогодней елки.

Подставки на деревьях успели разглядеть и перепуганные звери, и это еще больше напугало их. Ну, где такое встретишь? Правильно, нигде. Поэтому зайчик Толик упал в обморок. Ну, упал он, образно выражаясь, так как все время обморока его тащила на себе большая ель.

Деревья шли быстро, унося героев все дальше и от бескрайнего луга, и от плюшевого леса, и от всякой надежды на спокойное путешествие. Что ждет их теперь, кто знает?

Голоса деревьев стали громче, можно было разобрать отдельные слова типа «Туда!», «Быстрее!», «Сжечь!», «Он разберется!», «Не дадим себя в обиду!» и так далее в таком же духе. Ситуация не предвещала ничего хорошего, поэтому зайчик Толик из обморока решил пока не выходить.

Наконец, шаги замедлились, хватки на тельцах плюшевых страдальцев ослабли, деревья подходили к открытому месту, напоминающему поляну, но только слегка.

Ни тебе разнотравья, ни цветов и атмосферы праздника, которая обычно сопровождала полянки в плюшевом лесу. Ничего подобного. Голая, иссиня – пепельная земля, куча наваленных бревен вокруг тлеющего костра, – вот и всё. На душе у плюшевых героев все скукожилось.

– Бросьте их здесь! – послышался скрипучий голос. – Бросьте, пусть лежат! Все на совет!

Деревья скинули Плюшевую Подмогу со всей поклажей в самый центр неприветливой полянки и в считанные мгновения исчезли, как сквозь землю провалились.

– Ситуация выходит из-под контроля, – заметила белочка Зоя.

– Что-то я не припомню говорящих и бегающих деревьев одновременно, – добавил, потирая помятый бочок, волк Утюжок. – Вот отдельно говорящие деревья видел, но они были стоящие – говорящие, и то, всего несколько штук, ну, помните, эти наши знаменитые Древа – Старцы?

– Да помним мы, – нетерпеливо отмахнулся медвежонок, – только сейчас это мало чем поможет, мы попали в агрессивно-настроенную среду.

– Специфическую, – подытожила лисичка Тонечка.

– Но..., – начал было Утюжок.

– Ты хочешь обсудить Древов – Старцев с этими...? – медвежонок махнул лапкой в сторону ушедших деревьев.

– Понял, – сказал волчонок и замолк.

Сова-Совушка и зайчик Толик сидели, прижавшись друг к другу, и клацали зубами, то ли от холода, то ли от страха.

– Совушка, – обратился к ней Ганс, – ты знаешь что-либо про этот лес?

– Кажется, нет, – промямлила она, – я вообще смутно помню свою прошлую жизнь, только общие впечатления страданий и лишений.

Плюшевые звери почему-то поверили ей только отчасти, но настаивать с расспросами не стали, так как были тактичными зверьми.

– Что делать будем? – спросила белочка.

– Попробуем вести переговоры, – предложил медвежонок, – в конце концов, мы ничего плохого не сделали, у нас добрая задача, нам нужен совет и, возможно, даже их помощь, – медвежонок говорил мягко, спокойно, словно отрабатывая дипломатический стиль беседы.

– Да! Мы абсолютно чисты! – рявкнул недипломатично волчонок и так испугал зайчика.

– Кто сказал «чисты»? – эхом раздалось по поляне.

– Я сказал, – прошелестел Утюжок.

– Слишком опрометчивое заявление, уважаемый зверь! – продолжало греметь эхо. – Вы уверены в словах?!

На поляну медленно выползло что-то несуразно большое и неприятное на вид. Двигалось оно не самостоятельно, на внушительной с виду подставке его бережно волокли несколько ходячих деревьев. Остальные торжественно шли чуть позади.

Плюшевые звери инстинктивно вжались друг в друга, образовав, таким образом, плотный плюшевый комочек. Ничего безобразнее они в жизни своей не видели. К ним выползло дерево, но разве можно было его так называть?!

Огромное, покрытое гнойными коростами, с налипшими повсюду затвердевшими чагами; с одной стороны обрубленные ветки, с другой – желтые иголки на лапах; заскорузлые пересохшие корни торчат во все стороны, угрожая пронзить первого попавшегося насквозь, – все это сложно было бы называть деревом, если бы не реальность. Это было оно. Это было Дерево!

Плюшевая Подмога молчала. Страха не было. Ужас перебил страх и освободил от внутренней суеты. Потом медвежонок спросил:

– Простите, пожалуйста, как к Вам обращаться?

– Они еще собираются обращаться к Нему?! Вот глупцы! – шелестели деревья.

– А вы сообразительны! – отреагировало Дерево.

– Просто учтивы, – поправила личика Тонечка.

Стало тихо.

– Как следует из увиденного, Вас давно не поливали? – продолжала она.

Дерево удивленно хмыкнуло.

– И не ухаживали за Вами как следует! – подхватила белочка Зоя.

– Неслыханно! Неслыханно! – зашипели деревья. – Они смеют разговаривать с Ним! Они делают предположения!

От злобного шипения воздух вокруг Плюшевой Подмоги стал колким, но звери не показывали страха и продолжали беседовать изо всех плюшевых сил.

– Так как нам к Вам обращаться? – повторил вопрос Ганс.

– У меня нет имени, – сурово отчеканило Дерево и резко выбросило острую ветку перед собой так, что она почти вонзилась в горло медвежонка.

– Что ж, – тихо ответил храбрый медвежонок, каждую секунду рискующий оказаться пронзенным, – это плохо. Имя должно быть. Хотите, я Вам его дам?

Деревья перестали шептаться и замерли от дерзости непрошеного гостя.

– Учитывая Ваш солидный возраст, внушительную устрашающую внешность и огромный жизненный опыт, – продолжал Ганс, – я буду звать Вас Древосилом. Не возражаете?

Все молчали.

– Вот и хорошо. Уважаемый Древосил, позвольте представиться. Меня зовут Ганс Топтыгин, но Вы можете называть меня просто Ганс. Очень приятно! – завершил свою речь медвежонок и потряс в рукопожатии ветку, что торчала у его горла.

– Как ты сказал? Дре-во-сил? – переспросило безобразное Дерево.

– Не слушай его! Не слушай! – завизжали ходячие деревья. – Убить их! Сжечь их! У тебя нет имени! Ты – боль! Наша боль! Наша злость! Сжечь их! Сжечь!

Старое Дерево на мгновение замерло, словно припоминая что-то, но потом, подхваченное общей яростью, стало угрожающе раскачиваться перед Гансом.

Ходячие деревья схватили плюшевых зверей, подняли над землей вверх тормашками и стали злобно трясти, словно желая выпотрошить их легкие тельца.

Деревья в мгновение ока собрали костер и теперь яростно раздували пламя. Отпускать с миром Плюшевую Подмогу никто не собирался. Что уж тут говорить о дипломатических беседах, тем более, о советах?!

Зайчик Толик пребывал в настоящем обмороке, в который упал, как только Дерево выбросило ветку в сторону Ганса.

Сова-Совушка рыдала, моля деревья о пощаде.

Белочка и лисичка тихо дергались в лапах деревьев – убийц, а Утюжок висел над костром.

Медвежонок по-прежнему стоял напротив безобразного Дерева, его была мелкая плюшевая дрожь.

– Твои друзья сейчас погибнут, – медленно заключило Дерево.

– Но почему? – спросил медвежонок.

– Потому что злость и боль – наша единственная пища, – нехотя ответило Дерево, – а так как этот лес уже много лет обходят стороной, еды у нас не было давно.

Дерево крикнуло.

– Мы уже несколько лет едим друг друга. И от этого, – оно помолчало, – стали еще злее.

– Но почему... все так?! – крикнул медвежонок.

Он лихорадочно думал, как спасти друзей, но, кроме этого глупого вопроса, в голову ничего не приходило. А между тем, плюшевое тельце волчонка покрылось не предвещающим ничего хорошего дымком, что привело деревья в неописуемый восторг. Они потешались над извивающимся зверем и наслаждались страданиями Утюжка.

– Почему? Почему? – вопрошал Ганс.

– Потому! – отрезало Дерево. – Ты надоел мне, медведь.

– Так разговаривают только трусы! – с вызовом бросил Ганс.

Деревья перестали издеваться и внимательно посмотрели на Дерево и на Ганса.

– Да, – смело продолжал медвежонок, – почему в Вас столько злости? Вы же деревья. А деревья, особенно такие древние, не могут, не имеют права...

– Да что ты знаешь о нас? – перебило его Дерево.

– Ничего, – согласился Ганс, – так расскажите. Зачем же сразу жечь?

– Так нам становится чуть легче, на время, – снова перебило его Дерево.

– От злости? – не понял медвежонок.

– От мести, – ответило Дерево. – Скажи, храбрый зверь, как часто тебе доводилось видеть деревья без ног?

– Ну, – замялся медвежонок, – признаться, я вижу такое первый раз, но я, кроме плюшевого леса, нигде не бывал и ничего о мире не знаю.

– Счастливчик! – прошелестело Дерево. – А вот мы знаем. Мы видели.

«Видели. Видели. Всё видели», – вторили деревья на подставках.

Они раскачивались из стороны в сторону, будто переминаясь с ноги на ногу, и эти движения покалеченных страдальцев вкупе со зловещим их шепотом создавали поистине жуткую атмосферу.

Звери застыли. Волчонок по-прежнему висел, но хорошо, что не над костром.

– Мы были хорошими и добрыми, – пело безобразное Дерево, – мы жили лесной жизнью, строили планы, мечтали о потомстве.

«Мечтали», – плакали деревья.

– Но однажды пришли странные создания и срубили нас, – продолжало Дерево.

«Срубили», – плакали деревья.

– Многие тогда не выдержали позора и мгновенно пожелтели, ибо Дух покинул их.

«Покинул, покинул», – были деревья.

– Но мы остались живы. Я остался жив. И прошел свою мглу до конца, – говорило Дерево. – Я видел, как к моему искалеченному телу прикрутили подставку, чтобы я устойчиво стоял на празднике. Я пережил праздник, но сделал так, чтобы подставку нельзя было с меня стащить. Ха! Как же удивились странные создания, когда у них ничего не получилось. Ха!

Я превратил ее в уродливое продолжение себя, и это спасло мне жизнь. Странные создания выбросили меня вместе с подставкой и ненавистью на мороз. Я – первое Дерево, выжившее после праздника, – так они называли мой позор, мою публичную казнь, мое унижение!

Я научил деревья выживать и спасаться, унося новые ноги подальше от странных созданий, что рубили нас для потехи. Искалеченные и надорванные, мы спешили домой, но у многих уже не было дома. И мы находили пристанище в пролесках, болотах, пока не добрались до этого места. Мы истребили деревья, что жили в этом прекрасном лесу, не специально, конечно, но присутствием своим, наводя на них непроглядную тоску. И так остались одни, со своими ранами, болью и ненавистью, – пело Дерево.

«Шашш. Шашш. Ненавистью», – вторили ему остальные.

– Теперь мы не в силах повернуть назад. Нам больно, и мы хотим, чтобы больно было всем.

«Да», – вторили деревья.

– Пойдите, – перебил медвежонок, – но есть ведь выход.

– Да? – лениво спросило Дерево. – И ты, храбрый зверек, знаешь, какой?

– Знаю, – ответил Ганс, – мы за вами поухаживаем. Мы любим лес и умеем с ним обращаться. Разрешите помочь Вам, уважаемые страдалыцы!

– Да, да, – подключилась белочка.

Она была вся растрепанная; тельце ее, как и тельце Тонечки, было зажато злобными ветками, но она продолжала:

– Позвольте помочь Вам, уважаемый Древосил! – на имени белочка сделала многозначительный акцент. – Вот мы сейчас возьмем лоханочку, – ласково отогнула она сцепившие ее ветки, – и нальем туда воды.

И пока растерявшиеся от ее активности деревья молчали, белочка, а за ней и лисичка стали шустро искать корягу, которая напоминала бы лоханочку.

– Нашла! – радостно взвизгнула белочка. – Вот!

Схватив корягу, она стала озиаться в поисках воды.

– Сова! – скомандовала лисичка. – А ну-ка взлети и поищи озеро, речку, что-нибудь такое.

«Пышш. Пышш. Что? Что?», – загудели деревья.

Они стали приходить в себя.

– А ну, тииии-хххххххххх! – раздался такой знакомый и долгожданный вой Утюжка.

Он вырвался из древесных лап и с огромным удовольствием выль на всех окружающих.

Деревья снова притихли, а Древосил издавал то ли мычание, то ли бурчание, то ли ворчание, на него никто сейчас не смотрел. Плюшевцы действовали быстро и слаженно.

Сова взлетела и заорала: «Вижу! Совсем рядом. Направо за деревьями озеро».

Она помахала крылышком в направлении воды, и медвежонок, схватив лоханочку, победоносно побежал. За ним, тоже с подручными емкостями для воды, помчались лисичка и белочка с волчком. Зайчик Толик успел прихватить еще и ковшик из рюкзака.

Всё также быстро Плюшевая Подмога наполнила лоханочки, зайчик набрал воды в ковшик, и все помчались обратно, пока деревья не очухались окончательно.

Нежно ухаживая за Деревом, звери бережно поливали Древосила, белочка и лисичка отрывали омертвевшие веточки и расчесывали лапками все, что можно было еще расчесать.

Ни одно дерево не вмешивалось, они с удивлением наблюдали за происходящим, припоминая что-то давно забытое, приятное, так непохожее на их сегодняшнюю жизнь.

Между тем, работа кипела, и Древосил оживал. Он, конечно, еще не покрылся зеленой листвой, но и столь удручающе, как прежде, не выглядел. Дерево заметно повеселело и пыталось подпевать Плюшевцам, которые затянули привычную для них полуденную песенку, как самую веселую из песен плюшевого леса.

А кто сказал, что труд порой бывает груб и тяжек?
Не по пути с ленивцем нам, и никаких поблажек!
А? Кто сказал? Не я сказал! И никаких поблажек!
Кто знает ценность борозды, кто знает ценность плуга,
Тот никогда не подведет ни борозды, ни друга!
Он подведет? Конечно, нет! Ни борозды, ни друга!
Ленивец, может быть, и прав, что спит, труда не зная,
Не приключится с ним беда ни добрая, ни злая,
Ленивец прав? Так он же спит! Ах, ах, беда, какая!

Почему звери запели, спросите вы? Само получилось, по привычке сопровождать любое действие песнями, а порой и танцами.

Зайчик, да-да, зайчик Толик запел, потом мелодию подхватила лисичка, потом медвежонок и волк Утюжок. Сова тоже подпевала, но тихонечко, чтобы не спугнуть удачу. Белочка пританцовывала.

– Научите нас песням, – попросило Дерево, аккуратно расправляя ожившие веточки.

– Обязательно, – ответили Плюшевцы, – у вас есть, куда записать слова?

– Нас много, мы запомним, – говорили деревья, с завистью подсматривающие за метаморфозами Древосила.

– Знаете, что? – сказала вдруг белочка. – Кажется, я знаю, как вам снова стать настоящими.

– Не шути так, – с болью проговорил Древосил.

– Ну, подождите, подождите, – продолжала белочка, – я, конечно, не могу обещать. Тут много от вашего желания зависит. Но мне кажется, что еще не все потеряно. Ведь вы особенные, живые, каждой частичкой своей.

– Так, так.

– Так вот, – продолжала белочка, – что если мы попробуем снять вас с жутких подставок и приживить к земле, а?

– Н-да, – крякнул Утюжок.

– Ааах, – ахнула Совушка.

– Блестяще! – подытожил медвежонок.

– Но это невозможно, – ответило одно из деревьев.

– Невозможно, немисливо, – подхватили остальные.

Древосил молчал.

– Почему же нет? – спросил зайчик.

– Да потому, что мы давно оторваны от земли. Мы забыли, как это – прорасти корнями. Мы не помним, кто мы, – наперебой страдали деревья.

– Много веков формируется любая корневая устойчивость, – гудел Древосил, – наша тоже. Память хранит корни. Корни хранят память. У нас умерла память о себе. Давно нет корней. Оживить нас немисливо.

– Но если не попробовать, вы так и останетесь озлобленными деревяшками на подставках, – выкрикнул Утюжок.

– Не деревяшками, а деревьями, – начало было поправлять Утюжка дерево, но волчонок перебил его.

– Нет. Именно деревьяшками. Вы сейчас не деревья, вы только называетесь ими. Вы – злые деревьяшки, малопригодные к жизни и радости. Вот!

Еще недобрый час назад за такие дерзкие слова волчонок испепелили бы, но сейчас деревья хранили скорбное молчание, и волчонок пожалел, что обидел их.

– Предлагаю эксперимент, – прервала всеобщую грусть Зоя. – Мы возьмем у Древосила, если Вы разрешите, конечно, – обратилась она к Дереву, – прикорневую веточку и поместим ее в лоханку с водой. Будем петь песни, радовать вас озорными шутками в духе плюшевого леса, показывать сценки, рассказывать истории, ну, и так далее.

– Так, – одобрил Древосил.

– Если веточка даст корневые росточки, – продолжала Зоя.

– Значит, и мы сможем воскреснуть корнями, – воскликнули деревья.

– Правильно! Сейчас ваша память спит. Но спит – то в Вас! Ее вроде как нет, но она сохранилась и живет внутри.

– Так давайте же попробуем возродиться! – зашумели деревья.

«Давайте, давайте», – раздавалось со всех сторон, и этот шепот был уже не злобный и отчаянный, а полный надежды и радости.

Если ты, дорогой читатель, полагаешь, что Плюшевцы забыли о слоненке, то ошибаешься. Все всё помнили, но обстоятельства не позволяли этим милосердным друзьям бросить в беде тех, кто так жестоко страдал. Поэтому, поняв, что деревья не знают о Тиглу, плюшевые звери все равно решили остаться и помочь, даже если это займет какое-то время.

Дело, однако, пошло на удивление быстро. Не прошло и суток, как веточка, которую белочка отломил у Древосила, ожила и пустила корешки.

– Спокойнее, – говорили Плюшевцы, пытаясь умирить взволнованные деревья. – Спокойнее!

Но разве это было возможно?!

– Начало положено, – обращался, будто к деревьям, но на самом деле к друзьям, медвежонок, – и теперь...

– Пора сбросить жуткие оковы! – выкрикнул зайчик Толик.

Деревья уставились на него и уже через мгновение бросились гурьбой к озеру. Они толпились и наседали друг на друга, не в силах прыгнуть с тяжелых подставок. Кто-то упал и макушкой беспомощно барахтался в воде.

– Спокойствие! Спокойствие! – тромбоном гудела Сова.

Звуковой эффект сработал и деревья перестали толкаться.

– Так, – сказал медвежонок, – нам хаос ни к чему. Мы всем поможем, никого не пропустим, только не паникуйте, пожалуйста.

– Нам сложно, нам сложно, – оправдывались деревья.

– А ну! Посмотрели все на меня! – бойко крикнула лисичка.

И все обернулись.

– Слушай мою команду! – сказала она. – Вам, деревья, нужно построиться в три шеренги. Тишина.

– Ше-ре-н-ги! Это как очереди! – пояснила она, когда увидела, что деревья не понимают ее.

– Ну, или как полосы, – продолжала лисичка. – Ну, или как линии, – она начинала теряться.

– Как ветки, – пришел на выручку медвежонок, – шеренги похожи на длинные ветки.

– Ааааа, – отозвались деревья, – ветки, ветки, строимся в ветки!

И деревья стали носиться из стороны в сторону, пытаясь выстроить ветки, в результате чего снова запутались в себе.

– Внимание! – снова бойко сказала лисичка. – Повторяем за мной! Вот я беру за лапку белочку Зою и ставлю ее сюда.

Она подвела Зою к левому краю озера.

– Вы, – лисичка обратилась к деревьям, находящимся рядом, – должны построиться в ветку, не выходя за границы. Один за другим, понятно? Границы – вот.

Она подняла с земли палку и прочертила с двух сторон от белочки линии.

– Теперь Вы! – повернулась она к деревьям. – Вы будете строить ветку от Утюжка.

Она взяла за лапку волчонка и подвела его к озеру.

– За границы не выходить, – напонила она.

Утюжок не стал дожидаться, пока лисичка начертит линии, поднял корягу и сам нацарапал.

– И, наконец, вы! – лисичка повернулась к деревьям, что стояли справа.

– Мы поняли, – прошелестели они, – за кем становиться?

– Становитесь за мной, – отозвался зайчик Толик, – я готов.

От бывшего хаоса не осталось и следа. Деревья послушно выстроились в живые линии, границ не переступали и смиренно ждали, когда до них дойдет очередь освобождения от ненавистных пут.

Не сразу получилось понять, как именно освободить деревья. Подставки давно уже стали частью их тела, и теперь надо было крепко подумать, чтобы исправить ситуацию. Первым сообразил медвежонок.

– Давайте-ка повернем дерево на бочок и только тогда аккуратно выведем его. У меня и складной ножик есть, – медвежонок, закусив губу, достал ножик и показал присутствующим сокровище.

По уважительной тишине, воцарившейся вокруг, он понял, что его трепет разделяют и присутствующие.

– Кто первый? – спросил он.

Раздался робкий голосок:

– Можно я?

– Прошу Вас, – подбодрил решившееся на операцию дерево, медвежонок.

Робкое дерево, Елочка на вид, шагнуло вперед и улеглось на бок. С замиранием сердца медвежонок приблизился и принялся за работу.

– Может быть немного больно, – предупредил Ганс.

– Ничего, я потерплю, – ответила Елочка.

Медвежонок нащупал сцепление между прижавшей подставкой и пораненной частью и начал, как и обещал, аккуратно высвобождать страдальцу из пут. Он долго возился со сцеплением, пока не понял, что достаточно выкрутить шурупы, чтобы дерево само выпало из многолетнего рабства.

– Спасибо! – тихо сказала свободная Елочка.

– Пожалуйста, – ответил медвежонок и задумался: «ножик один, а деревьев – целый лес. Так и за жизнь не управиться! Дела!».

Но тут на помощь пришли сами деревья, наблюдавшие за операцией.

– Мы можем состругать острые колышки, наподобие твоего ножика, медвежонок, – сказали они.

И, не дожидаясь, принялись стругать ножи из наиболее подходящих частей самих себя и иных подручных средств. У них получилось, и получилось быстро.

Вскоре медвежонок Ганс вместе с лисичкой Тонечкой и Совой-Совушкой самоотверженно, направо и налево высвобождали деревья из оков.

К ним присоединились белочка, волчонок и зайчик. Очереди никто не нарушал, деревья стояли послушные и серьезные, следить за порядком более не было никакой необходимости.

Через несколько часов деревья были освобождены. Последним от оков освободился Древосил. Он, как настоящий капитан и лидер, заботился о своих подопечных и последним пошел на процедуру.

Плюшевы с большой осторожностью стали погружать деревья в озеро. Удивительно, но достаточно было только поставить дерево у воды, как оно начинало шевелиться и передвигаться, уступая место товарищу.

Конечно, плюшевые герои устали: они, ни на секунду не останавливаясь, ставили и ставили деревья, одно за другим, и, казалось, что конца этому лесу не будет.

Но звери старались, и их старания увенчались успехом: все деревья поместились и даже для Древосила место нашлось. То ли озеро раздалось, то ли изначально было больше, чем казалось, – это так и осталось загадкой.

Плюшевы любовались работой: озеро колыхалось, наполненное стоячими деревьями, которые мерно раскачивались и издавали благодарное потрескивание. Вода в это время проникала в самые затаенные уголки их душ, наполняла собой потрескавшиеся тела, добиралась до самой сути и, наконец, пробуждала память от глубокой спячки.

Плюшевые звери развели костерок у озера и затянули самые красивые песни, что знал их родной лес. Деревья слушали и подпевали, подпевали и слушали, пока звери не заснули у костра. А когда Плюшевы заснули, деревья тихо продолжали петь, ведь им совсем не хотелось спать. Жизнь возвращалась, как же тут уснуть!

Про себя они решили сочинить песнь благодарности, посвященную подвигу храбрецов из плюшевого леса, чтобы петь ее потомкам и заповедовать потомкам – петь песнь потомкам. Хорошее дело задумали они.

Они сочиняли песнь семь дней, ровно столько, сколько понадобилось для возрождения. На восьмой – они стали выходить из озера (благо, навык хождения остался), и плюшевые звери увидели молодые крепкие корешки, выросшие на обновленных телах.

– Пришло время разбрестись нам по лесу в поисках новых жилищ, – обратились деревья к Плюшевцам, – но прежде мы бы хотели отблагодарить вас песней, что сочинили в вашу честь.

И они затянули могучий напев, который весь волшебный мир знает как песнь о «Шести славных храбрецах из плюшевого леса».

Во мраке блуждали страдальцами мы,
И годы ложились как кольца судьбы,
В те страшные годы, лишь боль и невзгоды,
Лишь злобу и ярость посеяли мы.
И жутким тогда вырос наш урожай,
Надежда и радость покинули край,
Лишь боль и невзгоды, лишь злоба и ярость,
Взошли до краев, вот и весь урожай!
А все почему? Потому, что без ног,
Не сбиться с пути и не выбрать дорог,
Лишь боль и невзгоды, лишь злоба и ярость,
Доступны деревьям, что ходят без ног.
Где раньше питались мы соком Земли,
Треноги теперь подпирали культи,
А злоба и ярость, а боль и невзгоды,
Ложились, понятно, как кольца судьбы.
Мы детство забыли, и старость забыли,
И друга забыли, и запах полей,
Лишь боль и невзгоды, лишь злобу и ярость,

Мы помнили ясно, до кончиков дней.
Кто знает, как долго скитались бы мы,
Блуждая во мраке стреноженной тьмы,
Но шесть храбрецов, шесть героев из плюша,
Нам мир подарили, спасли наши души,
Кто знает, как долго скитались бы мы?
Лисичка, волчонок, зайчонок, сова,
Нашли подходящие лесу слова,
А белочка – дива, танцует красиво,
И хвостиком машет. Такие дела!
И низкий поклон, наш поклон до земли,
Тому, кто надежду в сердцах поселил,
Тебе, медвежонок из плюша и воли,
Спасибо большое сказать мы хотим!
Твой ножик – чудесник резвее стрижа,
Дарил нам свободу. Нет чудней ножа!
Снимая треноги, снимал он тревоги,
Вовеки не будет славнее ножа!
Шесть славных героев, все шесть храбрецов,
Теперь наша память, детей и отцов,
И подвиг поем мы героям из плюша,
И петь не устанем. Ты тоже послушай!

– Вы оказались великолепными учениками, дорогие наши, – смахивая слезинку, сказал медвежонок Ганс.

– Мы запомнили Вашу песню, – с поклоном прошептал расчувствовавшийся волчонок Утюжок.

– И не забудем ее, – подхватили Утюжка белочка, лисичка, Совушка и зайчик.

Пришло время прощаться.

На правах старейшины, Древосил еще раз поблагодарил Плюшевую Подмогу за их отзывчивые сердца, находчивые головы и добрые лапки.

Как же он изменился! От бывшего страдания осталась только одна лысоватая проплешина на стволе, да и то потому, что Древосил специально ее оставил, как напоминание о том, что бывает, когда падаешь духом и превращаешься в гневливое чудище.

Во всем же остальном это был совсем другой Древосил – крепкий, зеленый, ветвистый, раскидистый. Красота и мощь!

Деревья провожали Плюшевую Подмогу до самой кромки леса, что по ту сторону от «бескрайнего луга».

– Мы знаем, что вы ищете друга, слоненка Тиглу, – сказал Древосил.

«Знаем, знаем», – согласно шумели деревья.

– И, кажется, мы можем помочь, – продолжал Древосил.

«Можем, можем», – вторили деревья.

– Но как? – удивился медвежонок.

– Когда мы выздоровели, – начал Древосил, – мы раскинули корни во все стороны.

– Ух ты! – не сдержался зайчик Толик.

– Да, согласен, ух ты! – поддержал зайчика Древосил.

– Мы раскинули приветственные сети, и после того, как другие деревья отозвались, мы спросили о вашем друге, слоненке Тиглу.

– Мы описали его, как следует, – подхватила Древосила ясно-зеленая Сосна.

– И рассказали о том, что он пропал, – весело шелестя веточками, сказала Пихта.
«Исчез», – шелестели деревья.

– И нам ответили, – сказал Древосил.

Плюшевые звери напряженно слушали. Они ни на минуту не забывали о слоненке, и поэтому каждая веточка о нем грела их сердца.

– Так вот, – продолжал Древосил, – деревья сообщили, что видели слоненка. Его несла большая птица, орел, кажется. Сложно сказать что-либо о характере их взаимоотношений, но, кажется, слоненок жив.

– Куда? Куда они могли лететь? – не выдержал заплаканный зайчик Толик.

– Скорее всего, путь их лежал на дивный Восток, через Длинные земли и Унылые тропы, глуховатую пустошь «Кри-Чадь», к берегам Чистейшего Озера и Вековых лесов – наших прародителей.

– А зачем им туда? – спросила белочка Зоя.

– Там живет Волшебник, – ответил Древосил, – он знает ответы на вопросы, те, что заданы и те, что не заданы. У вашего слоненка могут быть вопросы?

– О чем вы говорите! – воскликнул Утюжок. – Наш Тиглу – сплошные вопросы. Понятно! Нам нужны орлы, чтобы догнать его.

– Боюсь, мой странный друг, орлов вам не видать. Это очень гордые и сварливые птицы. Если с ними не найти контакт, они скорее исключают вас, чем донесут куда-либо, – говорил Древосил, – поэтому мы не уверены в позитивном характере полета Тиглу.

– Но мы надеемся, – мягко добавила Елочка, – что ошибаемся, и друг ваш смог чем-то заинтересовать Орла.

– Он может, он такой, – с нарочитой уверенностью заверил присутствующих зайчик.

– В любом случае, пока вы не проверите, вы не узнаете правды, – задумчиво отозвался Древосил.

– Куда нам теперь? – спросил медвежонок Ганс.

– Вам нужно идти сначала до Бурной Реки, потом через Дремучую Гору, до Длинных земель. Видите, вон там, – он указал длинной здоровой ветвью в сторону голубовато – белесого пятна вдалеке, – это Дремучая Гора. До нее несколько дней вашего ходу. Напрямую не подойти, нужно будет справиться с Бурной Рекой.

Мы даем вам веточку жизни в дар. Возможно, она пригодится, когда нужно будет возродить землю, что мертва. Но искренне надеемся, что вы таких земель не встретите.

В любом случае, осторожнее в пути! Осторожнее, дорогие наши! – на все лады шелестели деревья, когда Плюшевая Подмога выходила из «Дикого леса на подставках». На этом заканчивается наша пятая история.

Навстречу Бурной Реке

*В час, когда листва шелестит, смеясь,
И смеется ключ, меж камней змеясь,
И смеемся, даль, взбудоражив, мы,
И со смехом шлют нам ответ холмы,
...В этот час приди, не боясь греха,
Посмеяться всласть: «Хо-хо-хо! Ха-ха!».*

Уильям Блейк, «Смеющаяся песня»

Бодро шли герои Плюшевой Подмоги по мягко-изумрудной траве. Местность, что предстала перед ними, сложно было называть равнинной: земля весело, то тут, то там холмилась и бугрилась; где-то пряталась в островках густой ромашки и иван-чая, где-то пропадала в овражках и впадинках, наполненных душистым клевером и нежными лютиками.

Казалось, совсем недавно Бурная Река, к которой шли Плюшевцы, протекала именно в этих краях. Видно было, что вода гостила в овражках и долинках, гуляла вдоль холмов и бурьянов, в общем, не забывала и любила эти места. И вот теперь от ее задиристого нрава на память осталась взволнованная во всех отношениях поверхность и богатая во всех смыслах растительность.

– А все-таки хорошо, – заметил зайчик Толик.

– Ага, – поддакнул странный волк Утюжок.

– Найдем местечко и отдохнем? – предложила Сова-Совушка.

– Ага, – поддакнул Утюжок.

– Чайку попьем, костерок раскинем, – подмигнул медвежонок Ганс.

– Ага, ага, – кивал Утюжок.

Он вдыхал воздух полной грудью и был согласен со всем, с чем можно было согласиться.

– Давайте! Остановимся вон там! – одновременно вскрикнули белочка Зоя и лисичка Тонечка, указывая на уютно раскинувшийся неподалеку овражек, с мягкими молоденькими ивовыми деревцами на верхушке, от нависающей густой зелени листвы которых, овражек выглядел особенно уютным, полным приятной тишины и тени.

– Да, да! Давайте! Кто быстрее? – рванул изо всех сил в сторону овражка Утюжок.

Оставшиеся стоять плюшевые герои замерли на мгновение, а потом с веселыми криками и улюлюканьем помчались догонять волчонка.

– Хе-хе-хей! – кричал во все горло зайчик.

– Урра! Урра! – размахивая заплечной сумкой, орал медвежонок.

– Ха-ха! А мы – первые! Туки-туки! В домике! – обгоняя Утюжка, визжали белочка, лисичка и Сова.

Так, улюлюкая и «туки-тукая», Подмога домчалась до заветного овражка и плюхнулась в его прохладную глубь.

Какое-то время они просто валялись на траве; изображали бабочек, двигая лапками вверх – вниз, шумно дышали и смеялись. Потом, шутя и смеясь, прикорнули – без песен, чая, бесед. Кто в чем был, с сумками и рюкзаками в обнимку.

Ветерок, давно приметивший гостей и осторожно наблюдавший за их добродушным весельем, приблизился и заглянул в овражек. Звери беззаботно спали, прислонившись плюшевыми головками друг к дружке.

Ветерок подмигнул, задорно улыбнулся и сам зашелестел над овражком туда-сюда, изображая бабочку.

Никто, правда, не мог разделить полета его воображения и восхититься размахом гигантских крыльев, которые ветерок нафантазировал. А ведь он так усиленно махал ими, что изрядно растормошил листву вокруг!

Никто не видел и фантастической расцветки на крыльях придуманной им бабочки. Но ветерок не обижался. Он знал, что в принципе невидим и мало предсказуем по форме, чего ж тут обижаться?

Ему достаточно было просто лицезреть чью-то радость, чтобы самому чувствовать себя счастливым.

Позволив себе чуть повеселиться, ветерок принялся вейть вокруг плюшевых малышек сладкой прохладой, чтобы они насладились гостеприимством и сном.

Травка, что жила по краям и в глубине овражка, подхватила усилия ветерка и тоже принялась заботиться о гостях. Она обняла их тельца со всех сторон лучше всякого одеяла, подоткнула открывшиеся места, чтобы не дуло, прогнала на время весь насекомый народ со стебельков, чтобы те не щекотали зверей и так далее тому подобное. В общем, расстаралась – так расстаралась!

А овражек? Овражек не отставал! Почувствовав необычайную ответственность и прилив гордости за оказанную честь, – стать для кого-то приютом и отдушиной, он поначалу разволновался и боялся совершить какую-нибудь оплошность, потому то и дело вздрагивал, когда кто-нибудь из Плюшевцев ворочался, чихал или всхрапывал. Но потом успокоился и взял себя в руки. И если кто-нибудь тревожился во сне, то баюкал ласковыми прикосновениями ивовых веточек, в общем, заботился как настоящий гостеприимный хозяин.

Когда же овражек убедился, что все умиротворенно сопят, он и сам задремал, мерно покачиваясь в такт с посапываниями сладко спящих плюшевых созданий.

Наши герои проспали остаток дня и всю ночь, а когда на рассвете проснулись, то долго не хотели шевелиться и вставать с импровизированных лежанок.

– Что-то есть хочется, – наконец, раздался слегка охрипший спросонья голосок Утюжка.

Он лениво почесал лапкой затекший бок и, прищурив глаз, посмотрел на друзей.казалось, еще чуть-чуть и голод заставит его подняться, чтобы развести костер.

Однако, так хорошо начав, Утюжок надежд не оправдал, так как, повернувшись на другой бок, промямлил: «я сейчас – сейчас, еще чуть-чуть и...», и через секунду раздалось его тихое сопение. Так плюшевые звери поняли, что костерок в исполнении Утюжка откладывается на неопределенный срок.

А между тем, отдохнувшие за время сна плюшевые организмы все настойчивее напоминали о себе. Животики урчали, словно расстроенный оркестр, под плюшевой ложечкой сосало.

– О – хо – хо! Хо – хо! Хо – хо, – заворчал медвежонок Ганс. – Встаю.

Он медленно поднялся и с удовольствием зашевелил телом из стороны в сторону, потом вперед – назад, несколько раз присел и один раз подпрыгнул.

– Ух – ты! Ух – ты! Ух – ух – ух, – продолжал он, когда, обнаружив в нескольких больших и плотных листьях овражка росу, сначала отпил немного, а потом и умылся. Утреннее умывание взбодрило медвежонка, и он принялся разводить костер.

Спустя считанные минуты костер уже весело подмигивал огоньками приветствия, а медвежонок, вскипятив ароматный чай в чайничке из рюкзака Толика, зазывно намазывал клубничное варенье на тоненькие ломтики хлеба. Разлетевшиеся запахи и булькающий чайник бодрили лучше любого будильника и потому плюшевые звери не заставили себя долго ждать.

Мигом расселись они вокруг костра, вооружившись кружками и блюдцами, и принялись жадно лакомиться чаем с вареньем.

Медвежонок даже не думал обижаться на своих неорганизованных друзей. Он понимал, как много пережили они за такой недолгий срок. Еще несколько дней назад все эти плюшевые

создания не мыслили себя вне леса и его песен, не знали о священных муравьях и тем более, диком лесу на подставках.

«А хорошо, что лес уже не на подставках, – думал медвежонок, – и хорошо, что мы помогли ему вспомнить. Наверное, мы – команда».

– Эй, это мое. Ну-ка, дай сюда, – раздался над ухом Ганса чей-то голос.

Это лисичка Тонечка, полушутя, отнимала бутерброд у волчонка.

– Не отдам, – так же дерзко и весело отвечал ей Утюжок.

– Вот, смотри, бутерброд высоко, – поддразнивая ее, поднял он лапки, – не достанешь!

Но тут, неожиданно, непредсказуемым рывком зайчик Толик рванул с места вверх и в сногшибательном кувырке выхватил передними лапками бутерброд из лап Утюжка. Все встрепенулись и с восхищенными криками зааплодировали зайчику, громче всех – Утюжок.

– Ай да зайчик! Ай да мастер! Ай да акробат, – хохотала Совушка.

– Браво, Маэстро! Бис! – присвистывал Утюжок.

– Наш зайчик – просто сундучок сюрпризов, – ласково заметила Зоя.

А зайчик Толик кланялся и благодарил всех воздушными поцелуями, словно актер на сцене после удачного спектакля. Варенье капало с бутерброда, но никто не замечал этого: так весело и по-доброму было у них на душе.

«Да, похоже, мы, действительно, команда», – подумал медвежонок и отхлебнул чайку.

Ветерок, травка и овражек веселились вместе с плюшевыми героями. Говорить на языке зверей они не умели, может, только повторять отдельные слова, но сейчас это было совсем не важно. Всё веселье Плюшевой Подмоги, – их игру, их чаепитие, – ветерок, травка и овражек запоминали как драгоценные мгновения радости, чтобы потом, отражая в себе эти моменты, вспоминать часы нежданного счастья.

Овражку не было больно от костра, наоборот, он чувствовал, как тот греет его. Ветерок играл с пламенем в игру «поймай меня, если сможешь». Травка вообще не волновалась, поскольку медвежонок сложил костер в местечке, где ее не было. Хорошо, одним словом!

Когда чаепитие закончилось, лисичка Тонечка, Сова-Совушка и белочка Зоя занялись уборкой посуды, зайчик Толик перебирал содержимое рюкзака, странный волк Утюжок рассматривал походные наряды, а медвежонок, усевшись поудобнее, достал карандаши и принялся наносить на карту путешествий места, где они побывали.

Если с обозначением «Дикого леса» особых проблем не возникло: лес получился достаточно зловещим с одной стороны и в меру обновленным с другой, – то с местностью, на которой Плюшевцы находились в данный момент, возникли сложности. Как ее назвать?

Понятно, что впереди Бурная Река, о которой говорил Древосил, а как определиться с тем, что вокруг?

Чтобы найти решение проблемы, медвежонок решил созвать друзей.

– Что такое? – встревоженно спросила белочка, когда прибежала на зов.

– Да, да. Что? – подхватили остальные.

Ветерок, травка и овражек хотя и оставались как будто в стороне, но тоже слышали зов, взволновались и теперь настороженно прислушивались к разговору.

– Друзья! Пожалуйста, не волнуйтесь, – сказал медвежонок, – ничего такого. Просто возникли некоторые трудности с картой.

– Ооооо! – понимающе откликнулся Утюжок.

– И какие? – спросил Толик.

– Я не знаю, как назвать место, где мы сейчас находимся, чтобы обозначить его на карте, – ответил Ганс, – вот, смотрите!

И он развернул карту путешествий.

Плюшевые звери, а также ветерок, овражек и травка склонились над картой медвежонок.

– Восхитительно! – сказала белочка Зоя.

– Как всегда! – подтвердила Сова-Совушка.

Ветерок, овражек и травка ничего не понимали, но вид нарисованных деревьев и лугов поразил их.

– Мы сейчас где-то здесь, – тыкал медвежонок лапкой в просторное место между обозначением «Дикого леса» и контуром Бурной Реки, – а что же тут?

– Да, надо место как-то назвать, – согласилась лисичка Тонечка.

– И зарисовать, – подхватила Совушка.

Тут только до ветерка, овражка и травки стало доходить, что затеяли плюшевые звери.

Это так их обрадовало, что они не смогли удержаться и пустились в пляс. Ветерок подхватил макушки трав и веточки деревцев и принялся кружить их в танце. Овражек забасил чечетку: вверх – вниз, вверх – вниз поднималась и опускалась земля.

– Землетрясение? – предположил зайчик.

– И ураган? – огляделась Совушка.

– Подождите! – сказал медвежонок. – Смотрите!

И указал лапкой в сторону.

– Уу-ттюю! – выдал Утюжок.

– Надо же! – удивились лисичка и белочка.

– Похоже, ураган и землетрясение только вокруг нас, – подытожил зайчик.

– Дааа...

– Что бы это значило? – спросила Совушка.

– А мы сейчас проверим, – ответила Зоя. – Есть мысль, что местные стихии слышат нас.

– И реагируют!?

– Ну, точно! Конечно! – взволновался Утюжок. – Как проверять будем?

– А мы с ними посоветуемся... насчет местности, – заключила Зоя.

– Эх! Не зря ты у нас наиумнейшая, – улыбался Ганс. – Прекрасная идея! Пробуем?

– Пробуем! Пробуем!

Ганс задумался, а потом, взяв в лапки карандаш, громко предложил:

– Назовем эту местность «волнистая равнина», хорошо?

Звери стали озиаться, чтобы понять, согласны ли с этим названием Стихии. Плюшевцам название не очень нравилось, но звери понимали, что оно скорее тренировочное, чем настоящее.

Ветерку, овражку и траве тоже не понравилось название, поэтому ветерок быстрым движением вырвал бумагу из лап медвежонка, а когда карта упала, овражек и травка, словно мячик, подбросили ее вверх.

– Уу-ттююю! – вырвалось у Утюжка. – Работает!

– Кажется, им не нравится, – заметил медвежонок, – и это понятно.

– Знать бы, кто слушает нас, мы бы тогда шире думали, – задумчиво сказал зайчик. – Тут, оказывается, целый мир!

– Еще и понимающий мир! Вот ведь штука! Утт-ттю!

Плюшевые звери требовательно посмотрели на волчонка, демонстрируя ему, что его «утт-ттю!» все-таки хорошо бы употреблять в меру. Утюжок, сложивший губы для очередного возгласа, намек понял и ретировался.

– А давайте внимательнее посмотрим? – предложила Тонечка. – Может, то, что сейчас вокруг нас, и есть таинственные стихии?

– Точно, – подхватила Зоя, – и я уже знаю одну из них. Это Ветер! Так ведь? Ветер, это ты? – крикнула она куда-то вверх и подставила лапки к небу.

Ветерок, обрадованный вниманием, быстро сориентировался и ласковой восьмерочкой стал описывать дуги вокруг лапок белочки.

– Смотрите, смотрите, у меня в руках ветер! – закричала Зоя, указывая Плюшевцам на активно шевелящийся туда-сюда на лапках плюшевый мех.

– Здорово! – не скрывая восхищения, пропела Сова-Совушка.

Она подошла ближе к белочке и тоже протянула крылышки ветру.

– Ааах! Ветерок, и правда, здесь! – радостно верещала она, когда тот восьмерочкой стал летать и вокруг ее крылышек.

– Ну, если с одной стихией ясно, – вернула внимание к проблеме Тонечка, – то как быть с остальными?

– Осмотримся, – предложил медвежонок. – Мы сейчас где?

– В овраге? – неуверенно откликнулся Утюжок.

– Верно, – похвалил друга Ганс. – А это значит, что земля, овражек, деревья, травка – это и есть стихия, слушающая нас!

– Логика! – небрежно бросил, одобренный похвалой, волчонок.

Подтверждая их догадки, стихии исполнили короткий танец, обернувшийся очередным землетрясением, а Плюшевцы, взявшись за лапки, завели радостный хоровод:

Как у нас в овражке,
Прижились муражики,
Желтые и красные, —
Все такие разные,
Ой, ли, люли, люли,
Мы их очень любим!
Ветерок волнуется,
Думкой кучерявою,
Дождик проливается,
В лукошко дырявое,
Ой, ли, люли, люли,
А мы гули-гули.
Травушка – муравушка,
Ветерок – затейник,
Хороводят муравую,
Мур – мур, муравейник!
Ой, ли, люли, люли,
Мур – мур, муравейник!

– Теперь за дело! Думаем! – сказал медвежонок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.